

Т. Цесельский

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И БАЛТИЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII В.

1686–1764 гг. составляют отдельный период в польско-русских отношениях. Его рамки определяют мирный договор Гжимултовского («Вечный мир»), который был подписан 6 мая 1686 г. между двумя равными государствами, и выбор на трон Станислава Августа Понятовского 7 сентября 1764 г., выражающий ситуацию полного подчинения Речи Посполитой России. Такое изменение в отношениях между двумя соседствующими друг с другом на протяжении многих веков государствами было результатом глубокого внутреннего кризиса Речи Посполитой и маргинализации ее роли на международной арене, проявившейся еще во время Северной войны.

Для России эта война представляла начало превращения в сверхдержаву. В этом процессе, кроме проведения значительных внутренних реформ, большую роль сыграло завоевание Петром I юго-восточного побережья Балтийского моря. Это позволило получить гегемонию в регионе. Произошло это прежде всего за счет Швеции, но также и Речи Посполитой. Последняя не только должна была отказаться от претензий на Ливонию (Инфлянты), но также потеряла ленную власть над Курляндией и Семигалией, а в период военных действий россияне контролировали значительные территории Королевской Пруссии и пробовали подчинить себе Гданьск.

Слабость Речи Посполитой относительно российской экспансии в балтийском регионе стала заметна уже в начале XVIII в., через несколько лет после начала Великой Северной войны. Причинами ее в первую очередь стали аннексионные

амбиции Петра I и короля Речи Посполитой Августа II Веттина, которые хотели разделить между собой владения Швеции на юго-восточном побережье Балтики. Август II в союзных договорах, заключенных в 1699 г., зарезервировал для себя давние территории Речи Посполитой, Инфлянты и Эстонию, которые хотел сделать наследственными княжествами династии Веттинов (при этом одновременно и ленными владениями Польской Короны)¹.

В 1700 г. саксонская армия, в составе которой было несколько тысяч солдат, присланных польскими и литовскими магнатами, предприняла попытку захвата Риги и всей Лифляндии. Неудачно проводимые весь год боевые действия окончились разгромом саксонской армии на Двине 9 июля 1701 г.² Август II, таким образом, повторил судьбу Петра I, разбитого Карлом XII под Нарвой 30 ноября 1700 г.

Военные события 1700–1701 гг. сделали планы союзников неактуальными, но для России это был временный перерыв в наступлении в Прибалтику. Речь Посполитая оказалась втянута в войну, но самостоятельно противостоять шведской агрессии была не в состоянии и заключила союзный договор с Россией в Нарве 30 сентября 1704 г. Одним из его пунктов была договоренность о разделе земель, захваченных у Швеции — Россия получала восточное побережье Финского залива (Ингрию) и Эстонию, а Речи Посполитой доставалась Лифляндия (Инфлянты)³.

Военное сотрудничество России и Речи Посполитой началось раньше, с совместных походов на Лифляндию и Курляндию. Окончились они поражением литовско-российских войск под Кучборком 5 сентября 1704 г. Нападения на Курляндию, предпринятые в следующем году, принесли россиянам сначала поражение в битве при Мур-мызе (Гемауертгофе) 16 июля, а потом захват Бауска и Митавы 15 сентября 1705 г. К началу 1706 г. россияне, однако, утратили эти территории Курляндии, но и так на прибалтийском театре войны одержали значительные победы, заняв Ингрию и часть Эстонии⁴.

¹ О генезисе войны см.: *Wimmer J.* Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny północnej. Warszawa, 1956. S. 29–33, 63–65; *Koroluk W. D.* Polska i Rosja a Wojna Północna. Warszawa, 1954. S. 71–155, 201–239; *Historia dyplomacji polskiej / Red. Z. Wójcik.* Warszawa, 1982. S. 352–355; *Staszewski J.* August II Mocny. Wrocław, 1998. S. 90–96, 119–121; *Burdowicz-Nowicki J.* Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697–1706. Kraków, 2010. S. 144–145, 151–154, 162–200, 261–263; *Frost R.* The Northern Wars 1558–1721. Harlow, 2000. S. 226–228.

² *Schuster O., Francke F. A.* Geschichte der sächsischen Armee. Leipzig, 1885. T. 1. S. 146–149; *Wimmer J.* Wojsko Rzeczypospolitej... S. 49–53, 67–69; *Arājs J.* Bitwa nad Dźwiną 9 lipca 1701 roku // *Wojny północne w XVI–XVIII wieku / Red. B. Dybaś, A. Zemlewska.* Toruń, 2007. S. 197–207; *Burdowicz-Nowicki J.* Piotr I... S. 200–202, 205–212, 275–276.

³ *Volumina Legum.* Prawa, konstytucje i przywileje Królestwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego i wszystkich prowincji należących na walnych sejmach uchwalonych / *Wyd. J. Ohryzko.* St. Petersburg, 1859. T. VI. S. 82–84; *Feldman J.* Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1794–1709. Kraków, 1925. S. 15–16, 37–53; *Historia dyplomacji polskiej.* S. 357–360; *Burdowicz-Nowicki J.* Piotr I... S. 312–338, 385–390, 435–489.

⁴ *Olszowski I.* Pamiętnik z czasów Augusta II-go króla polskiego // *Biblioteka Jagiellońska.* Nr 9743. S. 92; [*Radziwiłł K. S.*]. Zebrania dni z kalendarzów notowanych własną ręką // *Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie.* Nr 977. L. 157–167 v.; *Wiśniowiecki M.* Dla pamięci co się którego roku działo // *Przeździecki A.*

Решающим моментом в войне была победа российского войска под Полтавой, которая уничтожила военную силу Швеции. Инициатива перешла к российским войскам, которые в 1710 г. заняли Лифляндию и Курляндию, а в 1713–1715 гг. — значительную часть шведского Поморья со Щецином⁵.

Очередные военные победы привели к тому, что Петр I начал претендовать на достижение российской гегемонии на Балтийском море («dominium maris Baltici»). Доминирование территориально была основано не только на землях, завоеванных у Швеции, но также и на протекторатах, установленных в Прибалтике за счет Речи Посполитой и Священной Римской империи.

Петр I не собирался придерживаться заключенных договоров и отказываться даже от части завоеванной Лифляндии. Сначала он ссылался на слабость Речи Посполитой, которая не гарантировала, что она в состоянии удержать Лифляндию в случае шведской атаки. Потом царь начал вспоминать, что Речь Посполитая, согласно Нарвскому договору, должна была содержать 48-тысячную армию, а реально было меньше. Польская сторона требовала отдать Инфлянты уже с 1711 г., что стало предметом неоднократных переговоров. С 1712 по 1718 гг. почти ежегодно в Россию отправлялись польские посольства с требованием Лифляндии.

Поляки во время переговоров испытывали сложности не только из-за твердой позиции России, но также и из-за деятельности саксонской дипломатии. Август II продолжал надеяться, что ему удастся получить Инфлянты для Веттинов, а в этом ошибочном убеждении утвердила его встреча с царем в Ярославле в 1711 г.⁶ Август II продолжал участвовать в войне, посылая саксонские войска в состав сперва датской, а потом и российской армии во время борьбы за шведское Поморье. Но эти действия принесли пользу не Саксонии или Речи Посполитой, а Пруссии, которая, согласно договору, заключенному с Петром, приняла в секвестр Щецин и устье Одера⁷.

Перемена позиции короля и польско-литовских панов наступила в 1717–1718 гг., когда безрезультатными оказались просьбы к царю о выводе российских войск из Речи Посполитой и Курляндии, а переговоры на Аландских островах

Podole, Wołyń, Ukraina. T. 1. Wilno, 1841. S. 101–102; Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy, wojewody mińskiego (1666–1721) / Wyd. J. Bartoszewicz. Warszawa, 1862. S. 120–123; Kamiński A. Przeciwno Szwedom i Leszczyńskiemu. Działania wojsk rosyjskich na terenie Polski w 1705–1706 roku // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. XII. 1966. Cz. 2. S. 234–235, 258; Ciesielski T. Działania wojenne w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1700–1709 w świetle polskiej i litewskiej literatury pamiętnikarskiej // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы: К 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Могилев, 2008. С. 363–366; Frost R. The Northern Wars... S. 301–304; Krokosz P. 1) Rosyjskie siły zbrojne za Piotra I. Kraków, 2010. S. 299–325; 2) «Mała wojna». Działania wojsk rosyjskich w Inflantach, Estonii oraz Ingermanlandii w latach 1700–1704 // Stań badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej. T III: Inflanty polskie / Red. W. Walczak, K. Łopatecki. Białystok, 2012. S. 167–222.

⁵ Krokosz P. Rosyjskie siły zbrojne... S. 353–355, 359–366.

⁶ Historia dyplomacji polskiej. S. 364, 367, 372; Gierowski J. Traktat przyjaźni Polski z Francją w 1714 r. Studium z dziejów dyplomacji. Warszawa, 1965. S. 101–106.

⁷ Schuster O., Francke F. A. Geschichte der sächsischen Armee. С. 184–191; Historia dyplomacji polskiej. С. 366–367.

показали, что россияне планируют удержать полностью свою добычу в Лифляндии. Август II ответил заключением договора с императором Священной Римской империи Карлом VI и королем Англии Георгом I, который 5 января 1719 г. был преобразован в союзный трактат с явной антироссийской направленностью⁸. Россия пошла на уступки и вывела свои войска из земель Империи и Речи Посполитой⁹, однако относительно территорий юго-восточного побережья Балтийского моря русская политика осталась неизменной. Петр I не допустил дипломатов Августа II к финальным мирным переговорам. Согласно заключенному Ништадскому миру 1721 г., России целиком достались Карелия, Ингрия, Эстляндия и Лифляндия¹⁰.

В итоге Речи Посполитой не удалось получить никаких территорий. Были окончательно потеряны и Инфлянты, и полная ленная власть над Курляндией и Земгалией¹¹. В 1710 г. контроль над этими территориями получили российские войска, а Петр I организовал брак своей племянницы Анны Иоанновны с герцогом Фридриком Вильгельмом Кеттлером¹². Герцог, однако, умер уже в январе 1711 г., что привело к возникновению проблемы курляндского наследства. Протестантская курляндская знать не хотела, чтобы трон занял последний живущий Кеттлер, князь Фердинанд, которого обвиняли в склонности к католицизму и неспособности к исполнению обязанностей правителя¹³. Курляндская шляхта получила поддержку короля Пруссии Фридриха Вильгельма, который рассчитывал на переход герцогства под его власть.

Но особо сильную поддержку шляхта получила от Петра I. Царь не собирался отдавать полученный так легко контроль над стратегически важным прибалтийским герцогством, а выгодным оружием оказался недолгий брак Анны Иоанновны. Она была признана формальной правительницей Курляндии как вдовствующая герцогиня. От имени Анны функции регента исполняли главные советники (Ober Rath) герцогства, но фактически руководили российские комиссары, находящиеся в Митаве. С 1712 г. первую роль среди них играл управляющий двора Анны гофмейстер Петр Бестужев, а в 20-х гг. XVIII в. значительное влияние при дворе герцогини и в руководстве Курляндии получил Эрнст Бирон.

Речь Посполитая ничего не предприняла в этой ситуации, даже наоборот, помогла найти правовые основания, оспаривающие право на инвеституру для Фердинанда Кеттлера. Август II только в 1717 г. заинтересовался судьбой Курляндии, когда заключил договор с Петром I, в котором гипотетически предусматривался брак вдовствующей герцогини Анны Иоанновны с князем Саксен-Вейсенфельсом.

⁸ Historia dyplomacji polskiej. С. 371–372; Staszewski J. August II Mocny. С. 206–207; Kosińska U. Sejm 1719–1720 a sprawa ratyfikacji traktatu wiedeńskiego. Warszawa, 2003. С. 24–58.

⁹ Kosińska U. Sejm 1719–1720... С. 73–81.

¹⁰ Historia dyplomacji polskiej. С. 372–373.

¹¹ Stroh K. Die Kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtepolitik im Ançiem Régime. Berlin, 1999. С. 11–30, 35–46; Ciesielski T. Działania wojenne... С. 357–370; Krokosz P. Rosyjskie siły zbrojne... С. 353–355.

¹² Stroh K. Die Kurländische Frage... С. 46–54.

¹³ Kosińska U. Sejm 1719–1720... S. 28; Przyboś A. Ferdynand ks. Kurlandzki // Polski Słownik Biograficzny. T. VI. Kraków, 1948. S. 420–423.

Несколько месяцев спустя царь, однако, аннулировал этот договор и приказал выдать Анну замуж за Фридерика Вильгельма, марграфа Бранденбург-Шведт¹⁴. Это означало не просто отрыв Курляндии от Речи Посполитой, но фактическое распространение на нее российско-прусского протектората.

Только теперь политики Речи Посполитой начинают предпринимать активные попытки возродить свое влияние в Курляндии. Им удалось в 1719 г. повлиять на расстройство брачных планов в отношении Анны (что аннулировало проект союза Курляндии и Бранденбурга). Фактически в Курляндии установился *status quo*: действия Анны были под контролем русской администрации, в герцогстве находились русские войска¹⁵. Удовлетворена также была Речь Посполитая, так как удалось избежать окончательной потери влияния в герцогстве, а Август II далее мог использовать инвеституру герцога в политической борьбе.

После смерти Петра I, пользуясь ростом антироссийских настроений среди курляндского дворянства, король и Речь Посполитая предприняли две акции, имеющие целью вернуть суверенную власть над Курляндией. Летом 1726 г. герцогом Курляндии стал незаконнорожденный сын Августа II, граф Мауриций Саксонский. Против этого выступили и знать Речи Посполитой, и Россия. Польские аристократы на сейме в Гродно осенью 1726 г. оспорили легальность проведенного выбора и потребовали от Мауриция вернуть диплом элекции, а от короля — предпринять шаги, имеющие целью инкорпорацию Курляндии. В марте 1727 г. начались подготовительные работы по преобразованию Курляндии из вассального герцогства в провинцию Речи Посполитой. Для этого в конце августа 1727 г. в Митаву прибыла польская комиссия в сопровождении около 600 польских и литовских солдат.

Раеакция России также не заставила себя ждать. В июле 1727 г. в герцогство прибыл князь Александр Меншиков, чтобы аннулировать проведенную элекцию. Предполагалось заставить местное дворянство избрать герцогом князя Петра фон Гольштейн-Бека. Меншиков получил, однако, твердый отпор, который не смог перодолеть на месте, и по возвращении в Санкт-Петербург убедил царицу Екатерину I в необходимости предпринять вооруженную интервенцию.

Смерть Екатерины I привела к тому, что войска двинулись в Курляндию только в августе 1727 г. Имея около 5000 солдат, генерал Петр Ласси не встретил никаких проблем с изгнанием с трона, который охраняли около 200 человек, Мауриция, сбежавшего сначала из Митавы, а потом быстро выехавшего из Курляндии. Затем россияне выступили против польско-литовских комиссаров, которых сначала принудили отослать эскорт из солдат, а потом опротестовали их деятельность по изменению статуса герцогства. Это означало сохранение *status quo* в Курляндии, что было российским успехом, закрепленным декларацией, по которой российское и австрийское правительства не соглашались на инкорпорацию Курляндии Речью Посполитой даже после смерти герцога Фердинанда Кеттлера¹⁶.

¹⁴ *Strohm K.* Die Kurländische Frage... S. 57–82; *Kosińska U.* Sejm 1719–1720... S. 28–29; *Staszewski J.* August II Mocny. S. 238–239.

¹⁵ *Strohm K.* Die Kurländische Frage... S. 82–88.

¹⁶ AGAD. Archiwum Radziwiłłowskie. Dz. VI. 54. L. 48–71; *Щевальский П. К.* Князь Меншиков и граф Мориц Саксонский в Курляндии в 1726–1727. М., 1860. С. 63–65; *Курукин И. В.* Эпоха

После занятия российского трона Анной Иоанновной, в 1731 г. последний из Кеттлеров, Фердинанд, был допущен занять герцогский трон и принес ленную присягу Августу II. Более того, согласно пожеланиям польского короля, он женился на королевской родственнице, Иоланте Мандалене фон Саксен-Вейсенфельс¹⁷. Однако это не означало возвращения Речью Посполитой полного контроля над Курляндией и Земгалией, так как в руководящих кругах России сильны были тенденции к удержанию и даже расширению протектората над герцогством.

Намерения России стали явными в 1732 г., когда императрица Анна Иоанновна отказалась от подписания так называемого трактата Левенвольда, который предусматривал совместное выдвижение Россией, Австрией и Пруссией на трон Речи Посполитой согласованного единого кандидата. Пруссия в качестве вознаграждения за свою сговорчивость потребовала Курляндию, которая должна была достаться одному из сыновей прусского короля. В Петербурге заявили, что на это невозможно согласиться¹⁸. Наверное, эта жесткая позиция была вызвана планами фаворита Анны Иоанновны Эрнста Бирона, который сам хотел стать герцогом.

В 1733 г., во время бескоролья, с Саксонией был подписан договор, который обеспечил Фридрику Августу II Веттину российскую военную и дипломатическую помощь в борьбе за польский трон. Взамен саксонский курфюрст обещал признать императорский титул правителей России, а также передать курляндский лен Бирону¹⁹. В 1736 г., исполняя свои обязательства, Август III провел на пацификационном (примирительном) сейме постановление, разрешающее ему передачу курляндского лена, но с условием, что новый князь выплатит царице Анне Иоанновне все долги, записанные на герцогских владениях. После смерти последнего из Кеттлеров, Эрнст Бирон 23 июня 1737 г. был избран новым герцогом курляндскими дворянами, которые заседали под внимательной опекой российских войск.

В Речи Посполитой начались оживленные дебаты относительно способа принесения ленной присяги, что отложило до 1739 г. передачу Бирону инвеституры²⁰. Казалось, таким образом, что права Речи Посполитой в Курляндии и Земгалии не

«дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 113–114; *Хелипович С. Г.* Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 55; *Jarochowski K.* Gazeta Berlińska (Vossa) jako materiał do dziejów polskich w XVIII wieku // *Jarochowski K.* Opowiadania i studia Historyczne. T. 2. Poznań, 1863. С. 220–222, 224–228, 232–233, 239, 240, 242, 245–252, 254–267, 270, 272–273, 275–279, 282, 286; *Strohm K.* Die Kurländische Frage... S. 93–117; *Staszewski J.* August II Mocny. S. 239–240; *Ciesielski T.* Irlandczyk w służbie carskiej Piotr Lacy — feldmarszałek i generał — gubernator Inflant // *Stań badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej. T III: Inflanty polskie / Red. W. Walczak, K. Łopatecki.* Białystok, 2012. S. 235–236; *Kosińska U.* August II w poszukiwaniu sojusznika. Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730). Warszawa, 2012. S. 467–500.

¹⁷ *Strohm K.* Die Kurländische Frage... S. 119–120.

¹⁸ *Historia dyplomacji polskiej.* S. 376; *Strohm K.* Die Kurländische Frage... S. 130–133; *Хелипович С. Г.* Союз двуглавых орлов... С. 88–103.

¹⁹ *Хелипович С. Г.* Союз двуглавых орлов... С. 105–112; *Staszewski J.* August III. Wrocław, 2010. S. 151–153.

²⁰ *Strohm K.* Die Kurländische Frage... S. 145–173.

были значительно нарушены. Вскоре выяснилось, как сильно это отличалось от правды.

В ноябре 1740 г. в результате дворцового переворота Бирон был лишен регентства в России, всех титулов, среди них и титула курляндского герцога. Его значительные земельные владения в Курляндии были конфискованы российскими военными. Новый регент, Анна Леопольдовна, вскоре предприняла попытку замены герцога, предлагая кандидатуру своего шурина, Людвика Эрнста фон Брауншвейг-Люнебурга. Против этого выступило дворянство Речи Посполитой, заметив несоответствие таких действий с законами и привилегиями Курляндии и постановлениями сейма Речи Посполитой 1736 г.

Следующий дворцовый переворот в Петербурге привел к ослаблению планов посадить герцога Брауншвейга в Митаве, а новая императрица, Елизавета, вернула Бирону титул герцога. Впрочем, было件件но, что Курляндии нужен новый правитель²¹. В 40-х гг. XVIII в. рассматривалось несколько кандидатур, но из-за принципиальной позиции короля Августа III и Речи Посполитой не дошло до каких-либо перемен. Регентами в герцогстве в это время были советники, которые опирались на авторитет короля и поддерживались курляндскими сеймиками. Внешне это выглядело как сохранение власти Речи Посполитой над Курляндией и Земгалией, но в значительной мере это была только видимость.

В реальности под контролем России остались значительные земельные владения, которые раздавали лояльной пророссийски настроенной шляхте, и которые приносили в год до 100 000 талеров, отправляемых в царскую казну. В герцогстве постоянно находились российские войска, а Курляндия превратилась в плацдарм для походов русской армии в Европу в 1747–1748 и 1757–1758 гг.²²

В 1756 г., готовясь к войне против Пруссии, участники «конференции при высочайшем дворе» решили, что Россия должна получить в результате войны конкретные территориальные приобретения. Ими должны были стать Курляндия и пограничные территории Речи Посполитой, объединение которых позволяло бы провести торговый путь, соединяющий Черное и Балтийское моря. Взамен Польско-литовское государство должно было получить захваченную россиянами Восточную Пруссию²³.

Весной 1758 г. эти планы уже не рассматривались всерьез. В пользу такой мысли говорит то, что прибывшему в Петербург сыну Августа III, королевичу Каролу предложили занять курляндский трон. Императрица Елизавета хотела таким способом сильнее связать Августа III с антипрусской коалицией, возможно, также решить вопрос о наследовании трона Речи Посполитой и проблему

²¹ *Strohm K.* Die Kurländische Frage... S. 177–189.

²² *Strohm K.* Die Kurländische Frage... S. 189–217.

²³ Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 39–40; *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»... С. 370; *Ciesielski T.* Prusy Wschodnie w trakcie polskiej wojny sukcesyjnej i wojny siedmioletniej // *Wielkie wojny w Prusach / Red. W. Gieszczyński, N. Kasparek.* Dąbrówno, 2010. S. 118; *Анисимов М. Ю.* Российская дипломатия в Европе в середине XVIII в. От Ахенского мира до Семилетней войны. М., 2012. С. 275–276.

Курляндии. Выбор королевича Кароля должен был сломить сопротивление Речи Посполитой и курляндских дворян против нового выбора герцога.

Уже в июле 1758 г. курляндская шляхта избрала герцогом Кароля Веттина, а через неполных четыре месяца, в ноябре, Рада Сената Речи Посполитой разрешила Августу III выдать инвеституру сыну. В первой половине 1759 г. новому герцогу удалось получить отказ императрицы Елизаветы от финансовых претензий в обмен на свободный проход российских войск через Курляндию и их полное обеспечение провиантом во время этого. Благодаря этому Кароль летом 1759 г. стал руководить Курляндией в благоприятных для себя обстоятельствах²⁴. Было это, однако, прежде всего успехом Дома Веттинов, а не Речи Посполитой.

Россия при этом не понесла особых потерь, так как фактически продолжала контролировать Курляндию и Земгалию. Стало это ясно в 1762 г., когда по занятии престола в Петербурге Екатерина II освободила Бирона и вернула его на курляндский трон. Кароль оказал лишь пассивное сопротивление, живя в конце 1762 г. и начале 1763 г. во дворце в Митаве, блокированном российским войсками. Выехал он оттуда только зимой 1763 г., когда в Митаву приехал Бирон²⁵. События 1763 г. показали, что Курляндия и Земгалия были фактическими протекторатами России, и такое состояние длилось с 1717 г.

Более удачно Речь Посполитая защищала свои права в отношении Гданьска и иных городов Королевской (Западной) Пруссии. Однако это было возможно благодаря меньшему давлению со стороны России, которая интересовалась этими территориями только как временными операционными и провиантовыми базами. В 1713 г. Александр Меншиков заключил с Гданьском конвенцию, согласно которой город был обязан аннулировать все торговые контакты со Швецией и выплатить 100 000 флоринов. Взамен российские войска обещали не становиться на постой на землях, принадлежащих городу²⁶. В продолжении ближайших трех лет Гданьск по-прежнему поддерживал торговые контакты со шведами. Петр I тем временем искал способы для организации морских сил, способных противостоять доминированию шведского флота на Балтийском море. Когда неудачно окончились попытки втянуть в эту кампанию датский и английский флот, царь заинтересовался идеей использования каперского флота. Для его оснащения он обратился к прусскому королю, но тот обещал только 4 корабля²⁷.

Тогда россияне начали в конце 1715 г. – начале 1716 г. давить на Гданьск, чтобы он прекратил всякие контакты со Швецией и предоставил каперские судна. Несмотря на пребывание Петра I в городе с февраля до мая 1716 г., власти Гданьска отказались согласиться на российские требования. Уступили они только тогда,

²⁴ *Konopczyński W.* Polska w dobie wojny siedmioletniej. Cz. I: 1755–1758. Kraków; Warszawa, 1909. S. 275–305; *Staszewski J.* August III. S. 287–288; *Strohm K.* Die Kurländische Frage... S. 227–258.

²⁵ *Strohm K.* Die Kurländische Frage... S. 277–335; *Historia dyplomacji polskiej.* S. 387; *Staszewski J.* August III. S. 295–296.

²⁶ *Trzoska J.* Kaprzy króla Augusta Mocnego (1716–1721). Gdańsk, 1993. S. 17–19, 38, 99.

²⁷ *Trzoska J.* Kaprzy... C. 36–37.

когда царь в изданном 30 апреля 1716 г. манифесте назвал Гданьск вражеским городом²⁸. В отсутствие надежды на помощь Августа II и войск Речи Посполитой, опасаясь обещанной блокады города армией Бориса Шереметьева и бомбардировки города, горожане приняли царские условия. В декларации, изданной 9 мая 1716 г., они обещали снарядить и содержать до конца войны 4 каперских фрегата и предоставлять российским войскам транспортные услуги до Копенгагена. В декларации было записано, что каперские корабли должны плавать под флагом польского короля и подчиняться его комиссарам, что усиливало позиции Гданьска²⁹.

Наверное, это стало одной из причин непризнания декларации Петром I, который в манифесте, изданном 11 мая 1716 г., объявил Гданьску «свою неласку» из-за поддержания контактов со шведами и обид, нанесенных свите царя во время ее пребывания в городе. Попытки успокоения конфликта не принесли результата, и прибывший в июле в Гданьск царский посол Василий Долгорукий пожелал выплаты 500 000 талеров субсидии, передачи надзора над движением кораблей в гданьском порту российским властям и организации каперской флотилии, состоящей из пяти 12- – 18-пушечных фрегатов. Гданьск понимал, что не может рассчитывать на помощь со стороны Речи Посполитой. Под его стенами стояли 8000 российских солдат и небольшая русская эскадра.

Городские власти уступили и подписали 30 сентября – 1 октября 1717 г. договор о военном сотрудничестве. Гданьску удалось уменьшить обязательства до 140 000 талеров и трех каперских кораблей, но при этом было принято условие, чтобы половина команд этих кораблей состояла из россиян. Кроме того, Гданьск согласился прервать всякие контакты со Швецией и беспрепятственно впускать во внутренний порт российские корабли³⁰.

Эта конвенция, фактически передающая России контроль над городом, была только частично исполнена. При тихой поддержке со стороны Августа II Гданьск всячески затягивал организацию каперского флота. Эту позицию не изменило ни присутствие под Вислоустем царской эскадры под руководством Франца Вильбуа, ни размещение российских войск под городом в 1718 г. и зимой 1719 г., ни угроза очередного похода царя под Гданьск³¹.

В 1718 г. город дождался помощи со стороны Речи Посполитой, которая отказалась утвердить российско-гданьскую конвенцию 1717 г. В переговорах между министрами и российскими послами поляки твердо отказались соединить вопрос о предоставлении каперской эскадры с выходом российской армии из Речи Посполитой. Гданьск решительно поддержал также Август II, а в Венском трактате, заключенном в январе 1719 г., Георг I обещал направить английский флот для защиты Гданьска и Эльблонга³². В новой политической ситуации Петр I весной 1719 г. перестал требовать от Гданьска, чтобы были предоставлены каперские

²⁸ Trzoska J. Kaprzy... С. 37–42, 99–100.

²⁹ Trzoska J. Kaprzy... С. 44–47.

³⁰ Trzoska J. Kaprzy... С. 49–60.

³¹ Trzoska J. Kaprzy... С. 86–97, 101–102, 105; Kosińska U. Sejm 1719–1720... С. 29–30.

³² Trzoska J. Kaprzy... С. 114–121, 126–132.

корабли. Российские фрегаты находились, однако, около Вислоустя до 1720 г., а Петр I только 21 сентября 1721 г. издал указ о возвращении Гданьска «к ласке», что одновременно означало отказ любых претензий относительно города³³. Для горожан это не означало исчезновения российской угрозы: каперские фрегаты, ненужные для самому городу, они решились разобрать только после смерти русского царя.

Спустя несколько лет власти и жители Гданьска снова отважились выступить против России. В сентябре 1733 г. они однозначно поддержали избранного королем Речи Посполитой Станислава Лещинского³⁴. Началась война за польско-литовский трон, в которой Гданьск сыграл значительную роль, когда согласился принять и защитить новоизбранного короля Станислава I. Город старательно готовился к военным действиям, ремонтируя и модернизируя укрепления, приняв на службу около 6000 солдат и проведя мобилизацию городской (мещанской) милиции.

Благодаря этим усилиям Гданьск смог в феврале 1734 г. противостоять российской армии под руководством Ласси, который, исполняя приказ царицы Анны Иоанновны, предпринял попытку принудить город к капитуляции. Блокада и осада продолжались 135 дней. Россияне во время проводимых действий понесли тяжелые потери, около 10 000 погибших, раненых и пропавших без вести. В конце концов, русские войска, усиленные в конце мая 1734 г. саксонскими войсками, а 12 июня — собственным сильным флотом, принудили город к капитуляции 7 июля 1734 г. Ранее Гданьск спокойно оставил Станислав Лещинский³⁵.

Позиция города в период от лета 1733 г. до лета 1734 г. привела к тому, что руководящий царской армией фельдмаршал Миних продиктовал очень тяжелые условия капитуляции. Гданьск был обязан выслать послов в Петербург с целью просить прощения у императрицы Анны Иоанновны и обещать в будущем быть ей лояльным и оказывать уважение. Город обязывался выплатить России первый миллион талеров под предлогом компенсации цены осады города, второй миллион талеров — за допущение побега Станислава Лещинского и 30 000 талеров — «премия» российским генералам, корпусу артиллерии и инженером.

Взамен россияне быстро вывели свои войска с занятых гданьских фортификаций и защищали интересы Гданьска перед Августом III и его военными

³³ *Trzoska J.* Kaprzy... S. 95–96.

³⁴ *Wodziński A. M.* Oblężenie Gdańska w roku 1733–1734 // *Rocznik Gdański.* 1935/1936. T. 9/10. S. 343–344; *Cieślak E.* W obronie tronu króla Stanisława Leszczyńskiego. Gdańsk, 1986. S. 52–53.

³⁵ Об осаде Гданьска см.: *Бутурлин Д. П.* Военная история походов Россиян в XVIII столетии. Ч. 3: Заключающая в себе описание Польской войны с 1733-го по 1735-й год. СПб., 1823. С. 42–95; Атака Гданьска фельдмаршалом Минихом 1734 года // Сборник реляций графа Миниха / Изд. Д. Ф. Масловский. М., 1888. С. 22–272; *Wodziński A. M.* Oblężenie Gdańska... S. 352–397; *Cieślak E.* W obronie tronu... S. 76–133; *Ciesielski T.* W obronie Gdańska — działania wojsk polskich na Pomorzu i Kujawach 1733–1734 // *Studia Historyczno-Wojskowe.* Warszawa, 2008. T. 2. S. 182–195; *Sutton J.* The King's Honor and the King's Cardinal. The War of the Polish Succession. Lexington, 1980. P. 61, 112–134.

советниками³⁶. Прежде всего, в город не пустили саксонский гарнизон. Также не допустили ограничения привилегий Гданьска.

Весной 1735 г. российская царица Анна Иоанновна «оказала городу ласку», освобождая его от вины за побег Лещинского, и тем самым — от выплаты второго миллиона талеров. Подтвердила она это в дипломе, изданном 26 апреля 1736 г., в котором также гарантировались привилегии города, что защищало его в случае принятия на пацификационном (примирительном) сейме постановлений, ограничивающих права протестантов в Речи Посполитой³⁷.

В середине 30-х гг. XVIII в. власти Гданьска искали поддержки у России и ее нашли, что привело к фактической интервенции иностранного государства и нарушению суверенных прав Речи Посполитой. Какая опасная это была политическая игра, показали события Семилетней войны. Зимой 1758 г. российские войска вошли на территорию польской Пруссии (Западная Пруссия), поставив гарнизоны и организовав военные магазины в большинстве значимых городов, таких как Эльблонг, Мальборк, Тчев, Грудзяж и Торунь. В апреле руководящий российской армией генерал Вильям Фермор пожелал, чтобы Гданьск принял царских солдат и согласился на размещение в нем значительных магазинов.

Гданьский магистрат не дал на это однозначного ответа и начал переговоры с Фермором. Одновременно он привел в боевую готовность городскую милицию и приказал провести ремонт фортификаций. Гданьчане обратились к Августу III и властям Речи Посполитой, Франции, Австрии, Дании и Голландии. Но, увы, поддержки они не нашли.

Август III, надеявшийся на помощь России в возврате его наследственного курфюрства в Пруссии, склонен был пожертвовать интересами Гданьска. Официально он оставил решение за городскими властями. На помощь Гданьску пришел прусский король Фридрих II, а также англичане, выславшие сильную эскадру военных кораблей. Под влиянием этих событий Австрия и Франция отозвали свое согласие на занятие Гданьска россиянами, а Август III и его первый министр Брюль начали убеждать русское командование, что город будет в состоянии отбить возможное прусское нападение собственными силами. Российское правительство приказало Фермору отказаться от планов контроля над Гданьском, и в июне 1758 г. кризис закончился³⁸. Безусловно, это было серьезным дипломатическим поражением россиян.

В период от Великой Северной войны до Семилетней войны Россия в балтийском регионе проводила экспансию, сначала военную, а потом политическую. Это позволило значительно расширить ее владения и получить гегемонию над Финским заливом и юго-восточным побережьем Балтики. Переживая глубокий

³⁶ *Wodziński A. M.* Oblężenie Gdańska... S. 394–396; *Cieślak E.* W obronie tronu... S. 134–158.

³⁷ *Cieślak E.* W obronie tronu... S. 190–194.

³⁸ *Ciesielski T.* Pogranicze polsko-pruskie w dobie wojny siedmioletniej // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie.* 2008. Nr 1 (259). S. 7–8; *Масловский Д.* Русская армия в Семилетнюю войну. Т. 2: Поход графа Фермора в восточные области Пруссии (1757–1759 гг.). М., 1888. С. 367–371.

внутриполитический кризис, Речь Посполитая была не в состоянии противостоять этому, отказавшись сначала от прав на Инфлянты, а потом и от вассальных прав на Курляндию. Гданьск удалось защитить, но ценой колоссальных материальных потерь. Стоит заметить, что политическая активность России в Польском Поморье сохраняла его от возможной агрессии Пруссии.

Данные о статье

Автор: Цесельский Томаш — доктор истории, профессор, Опольский Университет, Ополье, Польша, ciesielski@uni.opole.pl

Заголовок: Речь Посполитая и балтийская экспансия Российской империи в XVIII в.

Резюме: 1686–1764 гг. составляют отдельный период в польско-русских отношениях. Его временные рамки определяют мирный договор Гжимултовского, который был подписан 6 мая 1686 г. между двумя равными государствами, и избрание на трон Станислава Августа Понятовского 7 сентября 1764 г., уже отражающее полное подчинение Речи Посполитой России. Такое изменение в отношениях между двумя соседствующими на протяжении многих веков государствами было результатом глубокого внутреннего кризиса Речи Посполитой и маргинализации ее роли на международной арене, проявившихся еще во время Северной войны. Для России первое десятилетие XVIII в. и война со Швецией — это время начала быстрого продвижения к великодержавности. В этом процессе существенную роль сыграло завоевание Петром I юго-восточного побережья Балтийского моря. В промежутке между Великой Северной и Семилетней войнами Россия продолжала экспансивную политику в балтийском регионе. Это позволило ей значительно расширить свои владения и достигнуть неоспоримой гегемонии в Финском заливе и на юго-восточном побережье Балтийского моря. Речь Посполитая, переживая глубокий внутренний кризис, не была в состоянии этому воспротивиться, отказываясь сначала от прав на Инфлянты, а затем и от суверенной власти над Курляндией. Локальным польским успехом в борьбе с Россией была защита независимости Гданьска. Материальные издержки этих побед были высоки, хотя главным образом страдал от них бюджет города. Русские уступали каждый раз исключительно под давлением других европейских государств. Одновременно, своей агрессивной политикой они каким-то образом охраняли польское Приморье от попыток аннексии со стороны Прусского королевства.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Россия, Курляндия, Ливония, Гданьск (Данциг), война, международные отношения

Литература, использованная в статье

Анисимов, Максим Юрьевич. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII в. От Ахенского мира до Семилетней войны. Москва: КМК, 2012. 340 с.

Курукин, Игорь Владимирович. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань: НРИИ. Част. изд. П.А. Трибунский, 2003. 566 с.

Масловский, Дмитрий. Русская армия в Семилетнюю войну. Т. 2: Поход графа Фермора в восточные области Пруссии (1757–1759 гг.). Москва: Типография Окружного Штаба, 1888. 874 с.

Нелипович, Сергей Геннадьевич. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. Москва: Квадрига, 2010. 406 с.

Arājs Jānis. Bitwa nad Dźwiną 9 lipca 1701 roku // Dybaś, Bogusław; Zemlewska, Anna (ed.). Wojny północne w XVI–XVIII wieku. Toruń: Towarzystwo Naukowe w Toruniu, 2007. P. 197–207.

Burdowicz–Nowicki, Jacek. Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697–1706. Kraków: ARCANA, 2010. 767 p.

Ciesielski, Tomasz. Działania wojenne w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1700–1709 w świetle polskiej i litewskiej literatury pamiętnikarskiej // Severnaya vojna 1700-1721 i istoricheskie sud'by Europy. K 300-letiiu so dnya bitvy pri d. Lesnaya. Mogilev: UO MGU im. A. A. Kuleshova, 2008. P. 352–370.

Ciesielski, Tomasz. Irlandczyk w służbie carskiej. Piotr Lacy – feldmarszałek i generał – gubernator Inflant // Walczak Wojciech; Łopatecki Karol (ed.). Stań badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej. T III: Inflanty polskie. Białystok: Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2012. P. 227–265.

Ciesielski, Tomasz. Pogranicze polsko-pruskie w dobie wojny siedmioletniej // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2008. Nr. 1 (259). P. 7–17.

Ciesielski, Tomasz. Prusy Wschodnie w trakcie polskiej wojny sukcesyjnej i wojny siedmioletniej // Gieszczyński, Witold; Kasperek Norbert (ed.). Wielkie wojny w Prusach. Dąbrówno: RETMAN Publ., 2010. P. 97–169.

Ciesielski, Tomasz. W obronie Gdańska — działania wojsk polskich na Pomorzu i Kujawach 1733–1734 // Studia Historyczno-Wojskowe. Zabrze: Inforteditions, 2008. T. 2. P. 177–195.

Cieślak, Edmund. W obronie tronu króla Stanisława Leszczyńskiego. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1986. 299 p.

Feldman, Józef. Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704–1709. Kraków: Gebethner i Wolff, 1925. 318 p.

Frost, Robert. The Northern Wars 1558–1721. Harlow: Pearson Education, 2000. 401 p.

Gierowski, Józef. Traktat przyjaźni Polski z Francją w 1714 r. Studium z dziejów dyplomacji. Warszawa: PWN, 1965. 301 p.

Jarochoński, Kazimierz. Gazeta Berlińska (Vossa) jako materiał do dziejów polskich w XVIII wieku // Jarochoński, Kazimierz. Opowiadania i studia historyczne. T. 2. Poznań: J. K. Żupański, 1863. P. 217–289.

Kamiński, Andrzej. Przeciwno Szwedom i Leszczyńskiemu. Działania wojsk rosyjskich na terenie Polski w 1705–1706 roku // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. 1966. T. XII. Vol. 2. P. 230–259.

Konopczyński, Władysław. Polska w dobie wojny siedmioletniej. Cz. I: 1755–1758. Kraków; Warszawa: Druk W. L. Anczyca i spółki, 1909. 548 p.

Koroluk, Włodimir Dorofjejevič. Polska i Rosja a Wojna Północna. Warszawa: Książka i Wiedza, 1954. 363 p.

Kosińska, Urszula. August II w poszukiwaniu sojusznika. Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730). Warszawa: Neriton, 2012. 557 p.

Kosińska, Urszula. Sejm 1719-1720 a sprawa ratyfikacji traktatu wiedeńskiego. Warszawa: Semper, 2003. 288 p.

Krokosz, Paweł. «Mała wojna». Działania wojsk rosyjskich w Inflantach, Estonii oraz Ingermanlandii w latach 1700-1704 // Walczak, Wojciech; Łopatecki, Karol (ed.). Stań badań

- nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej. T. III: Inflanty polskie. Białystok: Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2012. P. 139–226.
- Krokosz, Paweł.* Rosyjskie siły zbrojne za Piotra I. Kraków: ARCANA, 2010. 427 p.
- Schuster, Oskar; Francke, Friedrich August.* Geschichte der sächsischen Armee. T. 1. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1885. 226 p.
- Staszewski, Jacek.* August II Mocny. Wrocław: Ossolineum, 1998. 311 p.
- Staszewski, Jacek.* August III. Wrocław: Ossolineum, 2010. 333 p.
- Strohm Klauspeter.* Die Kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtepolitik im Ançiem Régime. Berlin: Verlag dissertation, 1999. 404 p.
- Sutton John L.* The King's Honor and the King's Cardinal. The War of the Polish Succession. Lexington: University Press of Kentucky, 1980. 250 p.
- Trzoska, Jerzy.* Kaprzy króla Augusta Mocnego (1716–1721). Gdańsk: Wydawnictwo Gdańskie, 1993. 163 p.
- Wimmer, Jan.* Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny północnej. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1956. 612 p.
- Wiśniowiecki, Michał.* Dla pamięci co się którego roku działo // Przędziecki Aleksander. Podole, Wołyń, Ukraina. T. 1. Wilno: [T.] Glüeckesberg, 1841. P. 94–112.
- Wodziński, Alfons.* Oblężenie Gdańska w roku 1733–1734 // Rocznik Gdański. 1935/1936. T. 9/10. P. 352–400.

Information about the article:

Author: Ciesielski, Tomasz, Doctor of Historical Science, Opole University, Opole, Poland, ciesielski@uni.opole.pl

Title: The Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia's expansion in the Baltic region in the 18th century.

Abstract: The period from 1686 to 1764 was a separate period in the history of Polish-Russian relations. Its chronological limits are defined by the so-called Eternal Peace Treaty of 1686 (*Pokój Grzymułkowskiego*) that was signed between Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth as two equal states and the election of Stanisław August Poniatowski in 1764, which was the result of the Russian supremacy. Such a change in relations between the two neighboring states was the result of a deep internal crisis of Rzeczpospolita and marginalization of its role in the international arena, which manifested already in the time of the Great Northern War. For Russia, the first decade of the XVIII century and the war with Sweden was the time of a rapid advancement towards a great power status. In this process, an important role was played by Peter I's conquest of south-eastern coast of the Baltic Sea. In between the Great Northern and the Seven Years' War, Russia continued to pursue an expansionist policy in the Baltic region. This allowed Russia to expand their possessions significantly and to achieve undisputed hegemony in the Gulf of Finland and south-eastern coast of the Baltic Sea. The Polish-Lithuanian Commonwealth, experiencing a profound internal crisis, could not resist, which resulted, first, in giving up the right to Inflanty (Polish Livonia), and then in its renunciation of its sovereignty over Courland. The local success of Poland in the fight against Russia was the protection of the independence of Gdańsk. Material costs of these victories were high, though it was the city budget that suffered mostly. Every time when the Russians conceded, they did it only under the pressure of other European states. At the same time, the Russian aggressive policy protected somehow the territory of Polish Pomerania from the Prussian kingdom's attempts of annexing it.

Key words: Polish-Lithuanian Commonwealth, Russian empire, Livonia, Courland, Gdańsk (Danzig).

References

- Anisimov, Maksim Iur'evich. *Rossiiskaia diplomatia v Evrope v seredine XVIII v. Ot Akhenskogo mira do Semiletnoi voiny* [Russian diplomacy in Europe in the half of the 18th century. From the Treaty of Aachen to the Seven Years' War]. Moscow: KMK Publ., 2012. 340 p. (in Russian.)
- Arājs Jānis. Bitwa nad Dźwinią 9 lipca 1701 roku [The Battle of Duna of the 9th July, 1701], in Dybaś, Bogusław; Zemlewska, Anna (ed.). *Wojny północne w XVI–XVIII wieku [The Northern Wars in the XVI–XVIII centuries]*. Toruń: Towarzystwo Naukowe w Toruniu Publ., 2007. Pp. 197–207. (in Polish.)
- Burdowicz–Nowicki, Jacek. *Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697–1706 [Peter I, Augustus II and the Polish-Lithuanian Commonwealth 1697–1706]*. Kraków: ARCANA Publ., 2010. 767 p. (in Polish.)
- Ciesielski, Tomasz. Działania wojenne w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1700-1709 w świetle polskiej i litewskiej literatury pamiętnikarskiej [Military actions in Grand Duchy of Lithuania in the light of Polish and Lithuanian diaries], in *Severnaya vojna 1700-1721 i istoricheskie sud'by Evropy. K 300-letiiu so dnya bitvy pri d. Lesnaya [The Great Northern War 1700-1721 and historical destinies of Europe. To 300-year anniversary of the Battle of Lesnaya]*. Mogilev: UO MGU im. A. A. Kuleshova Publ., 2008. Pp. 352–370. (in Polish.)
- Ciesielski, Tomasz. Irlandczyk w służbie carskiej. Piotr Lacy — feldmarszałek i generał-gubernator Inflant [Irishman at the tsarist service. Peter Lacy — a field marshal and general-governor of Livonia], in Walczak Wojciech; Łopatecki Karol (ed.). *Staż badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej. T. III: Inflanty polskie [State of research on the multicultural legacy of the ancient Republic. T. III: Polish Livonia]*. Białystok: Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy Publ., 2012. Pp. 227–265. (in Polish.)
- Ciesielski, Tomasz. Pogranicze polsko-pruskie w dobie wojny siedmioletniej [Polish-Prussian borderland during the Seven Years' War], in *Komunikaty Mazursko-Warmińskie [Mazurian-Warmian announcements]*. 2008. Nr. 1 (259). Pp. 7–17. (in Polish.)
- Ciesielski, Tomasz. Prusy Wschodnie w trakcie polskiej wojny sukcesyjnej i wojny siedmioletniej [East Prussia during the War of the Polish Succession and the Seven Years' War], in Gieszczyński, Witold; Kasperek Norbert (ed.). *Wielkie wojny w Prusach [Great Wars in Prussia]*. Dąbrówno: RETMAN Publ., 2010. Pp. 97–169. (in Polish.)
- Ciesielski, Tomasz. W obronie Gdańska — działania wojsk polskich na Pomorzu i Kujawach 1733-1734 [In the defence of Gdansk — action of Polish armies on Pomerania and Kuyavia], in *Studia Historyczno-Wojskowe [Historical-military studies]*. Zabrze: Inforteditions, 2008. T. 2. Pp. 177–195. (in Polish.)
- Cieślak, Edmund. *W obronie tronu króla Stanisława Leszczyńskiego. [In the defence of the throne of the king Stanisław I Leszczyński]* Gdańsk: Wydawnictwo Morskie Publ., 1986. 299 p. (in Polish.)
- Feldman, Józef. *Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704-1709. [Poland during the Great Northern War 1704–1709]*. Kraków: Gebethner i Wolff Publ., 1925. 318 p. (in Polish.)
- Frost, Robert. *The Northern Wars 1558–1721*. Harlow: Pearson Education Pub., 2000. 401 p.
- Gierowski, Józef. *Traktat przyjaźni Polski z Francją w 1714 r. Studium z dziejów dyplomacji. [Treaty of the friendship of Poland and France in 1714. Study from the history of the diplomacy]* Warszawa: PWN Publ., 1965. 301 p. (in Polish.)

Jarochoowski, Kazimierz. *Gazeta Berlińska (Vossa) jako materiał do dziejów polskich w XVIII wieku* [Berlin Newspaper (Vossa) as a source about Polish history in the 18th century], in Jarochoowski, Kazimierz. *Opowiadania i studia historyczne* [Stories and historical studies]. T. 2. Poznań: J.K. Żupański Publ., 1863. Pp. 217–289. (in Polish.)

Kamiński, Andrzej. *Przeciwko Szwedom i Leszczyńskiemu. Działania wojsk rosyjskich na terenie Polski w 1705-1706 roku* [Against Sweden and Leszczyński. Russian army actions on the territory of Poland in 1705–1706], in *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. 1966. T. XII. Vol. 2. Pp. 230–259. (in Polish.)

Konopczyński, Władysław. *Polska w dobie wojny siedmioletniej*. [Poland during the Seven Years' War]. Cz. I: 1755–1758. Kraków; Warszawa: Druk W. L. Anczyca i spółki Publ., 1909. 548 p. (in Polish.)

Koroluk, Włodimir Dorofiejewiç. *Polska i Rosja a Wojna Północna*. [Poland, Russia and the Northern War]. Warszawa: Książka i Wiedza Publ., 1954. 363 p. (in Polish.)

Kosińska, Urszula. *August II w poszukiwaniu sojusznika. Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730)* [Augustus II in search for the ally. Between Vienna and Hanover Alliances (1725–1730)]. Warszawa: Neriton Publ., 2012. 557 p. (in Polish.)

Kosińska, Urszula. *Sejm 1719-1720 a sprawa ratyfikacji traktatu wiedeńskiego* [Sejm 1719–1720 and a ratification of the Wenden treaty]. Warszawa: Semper Publ., 2003. 288 p. (in Polish.)

Krokosz, Paweł. «Mała wojna». *Działania wojsk rosyjskich w Inflantach, Estonii oraz Ingermanlandii w latach 1700-1704* [«A Small war». Actions of Russian army in Livonia, Estonia and Ingria in 1700–1704], in Walczak, Wojciech; Łopatecki, Karol (ed.). *Stać badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej. T. III: Inflanty polskie* [State of research on the multicultural legacy of the ancient Republic. T. III: Polish Livonia]. Białystok: Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy Publ., 2012. Pp. 139–226. (in Polish.)

Krokosz, Paweł. *Rosyjskie siły zbrojne za Piotra I* [Russian military forces in epoch of Peter the Great]. Kraków: ARCANA Publ., 2010. 427 p. (in Polish.)

Kuruin, Igor'. *Epokha «dvorskikh bur'»: Oчерki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii, 1725–1762 gg.* [The Era of Palace Revolutions: Historical Essays on the Politics of Post-Petrine Russia, 1725–1762]. Riazan': Nrii. Čast. Izd. P. A. Tribunskij Publ., 2003. 566 p. (in Russian.)

Maslovskiy, Dmitriy. *Russkaya armiya v Semiletnyuyu voynu. T. 2: Pokhod grafa Fermora v vostochnoy oblasti Prussii (1757-1759 gg.)* [Russian army in the Seven Years' War. Vol. 2: Offensive the count Fermors in eastern provinces of Prussia (1757–1759)]. Moscow: Tipografia Okruzhnogo Shtaba Publ., 1888. 874 p. (in Russian.)

Nelipovich, Sergei Gennad'evich. *Soyuz dvuglavykh orlov: russko-avstriyskiy voennyi alyans vtoroy chetverti XVIII v.* [Alliance of two-headed eagles: Russian-Austrian military alliance in the second quarter of the 18th century]. Moscow: Kvadriga Publ., 2010. 406 p. (in Russian.)

Schuster, Oskar; Francke, Friedrich August. *Geschichte der sa chsischen Armee*, [History of Saxon Army]. T. 1. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot Publ., 1885. 226 p. (in German.)

Staszewski, Jacek. *August II Mocny* [Augustus II the Strong]. Wrocław: Ossolineum Publ., 1998. 311 p. (in Polish.)

Staszewski, Jacek. *August III*. [Augustus III]. Wrocław: Ossolineum Publ., 2010. 333 p. (in Polish.)

Strohm Klauspeter. *Die Kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtepolitik im Ançiem Régime* [*The Courland Question (1700–1763). Study on the Power politics in Ancient Regime*]. Berlin: Verlag dissertation Publ., 1999. 404 p. (in German.)

Sutton John L. *The King's Honor and the King's Cardinal. The War of the Polish Succession*. Lexington: University Press of Kentucky Publ., 1980. 250 p.

Trzoska, Jerzy. *Kaprzy króla Augusta Mocnego (1716–1721)*. [*The Privateers of King Augustus the Strong (1716–1721)*]. Gdańsk: Gdańskie Publ., 1993. 163 p. (in Polish.)

Wimmer, Jan. *Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny północnej* [*Army of the Polish-Lithuanian Commonwealth during the Northern War*]. Warszawa: Ministerstwa Obrony Narodowej Publ., 1956. 612 p. (in Polish.)

Wiśniowiecki, Michał. Dla pamięci co się którego roku działo [For remembering what in which year happened], in *Przeździecki Aleksander. Podole, Wołyń, Ukraina*. T. 1. Wilno: Glüeckesberg Publ., 1841. Pp. 94–112. (in Polish.)

Wodziński, Alfons. *Oblężenie Gdańska w roku 1733–1734* [Siege of Gdansk in 1733–1734], in *Rocznik Gdański*. 1935/1936. T. 9/10. Pp. 352–400. (in Polish.)